

А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 15

30 января 2025 года

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката
В.
по жалобе адвоката К.**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ....., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката К. от 13 августа 2024 года (вх. №... от 16.08.2024) в отношении адвоката В. . (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 11 декабря 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе адвоката К. от 13 августа 2024 года (вх. № ... от 16 августа 2024 года), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ... от 27.01.2025).

Заявитель – адвокат К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ... от 29.01.2025).

Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-

либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С. районным судом города Рязани рассматривалось уголовное дело по обвинению Е. по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ и К. по ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Защиту Е. в рамках данного уголовного дела наряду с защитником по соглашению осуществлял по назначению суда адвокат К., а защиту К. – адвокат В.

Позиции подсудимых по предъявленному им обвинению расходились. Подсудимый К. свою вину по предъявленному обвинению не признавал, а подсудимый Е. заявлял о признании вины и раскаянии в содеянном.

Об марта 2024 года в ходе судебного следствия по делу состоялся допрос свидетеля Ш. Адвокатом В. . был задан ему вопрос: «В каких суммах сдавались деньги? Сколько за 2014-2015 год примерно Вы сдали денег?»

Адвокат К., в свою очередь, заявил ходатайство следующего содержания: «Ваша честь! Снимите вопрос, пожалуйста, поскольку мы рассматриваем не тот период времени».

В ответ на данное ходатайство адвокат В. заявил ходатайство следующего содержания: «Ваша честь! У меня ходатайство. Я прошу отстранить от защиты Е. адвоката, который выступает здесь по назначению. В связи с нарушением права на защиту господина Е. Он просит снимать вопросы уже не в первый раз, которые ни в коем случае не ущемляют правовую позицию господина Е., а только могут ее улучшить. При таких обстоятельствах мы считаем, что это действия вопреки интересам Е. В дальнейшем это может повлиять на отмену приговора вышестоящей инстанцией, каким бы он не был, в чем мы не заинтересованы. При таких обстоятельствах мы считаем, что этот адвокат не имеет права продолжить защиту господина Е. в настоящем процессе. Прошу рассмотреть ходатайство до окончания допроса».

Суд удовлетворил ходатайство о снятии вопроса, а в удовлетворении ходатайства об отстранении адвоката К. от осуществления защиты подсудимого Е. отказал.

Далее адвокат К. заявил ходатайство о снятии следующего вопроса адвоката В. свидетелю: «Папка какой была толщины?», мотивировав данное ходатайство тем, что «свидетель уже ответил на него».

В ответ на это адвокат В. заявил ходатайство следующего содержания: «У нас опять сейчас будет требование к адвокату, чтобы отстранить его от дела, потому что я задаю вопросы по противоречиям. Может быть, коллега не слушает показания, но ведет он себя максимально неэтично. <...> Такое процессуальное поведение недопустимо для адвоката и умаляет высокий статус адвоката, и, соответственно, его профессиональной деятельности. При

таких обстоятельствах, я не буду отнимать время уважаемого суда, но я прошу сделать замечание с разъяснением процессуальных прав и обязанностей адвокату, который не в полной мере понимает, зачем он сюда пришел, как я вижу».

Суд отказал в удовлетворении как ходатайства о снятии вопроса, так и ходатайства об отстранении адвоката К. от осуществления защиты подсудимого Е.

Приговором от 01 октября 2024 года подсудимые Е. и К. были признаны виновными в совершении инкриминируемых им преступлений.

Заявитель – адвокат К. выдвигает в отношении адвоката В. дисциплинарное обвинение в том, что последний, осуществляя защиту подсудимого К., дважды ходатайствовал об отстранении адвоката К. от осуществления защиты подсудимого Е. и об объявлении ему замечания, выразив при этом суждение о ненадлежащем осуществлении адвокатом К. защиты указанного подсудимого, чем умалил его честь, достоинство и деловую репутацию как адвоката, а также пытался воспрепятствовать его профессиональной деятельности. Тем самым, по мнению адвоката К., адвокатом В. были нарушены пп. 7 п. 1 ст. 9, пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат В. выдвинутое дисциплинарное обвинение последовательно отрицал, настаивал, что оценку деловой репутации адвоката К. он не давал, а лишь выразил свое мнение по отдельным процессуальным вопросам, что в силу п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не может являться основанием для привлечения адвоката к какой-либо ответственности. Адвокат В. не позволял себе называть адвоката К. иначе, кроме как «коллега», «адвокат», «уважаемый адвокат», что свидетельствует об уважительном отношении к коллеге, несмотря на несогласие с ним по отдельным процессуальным вопросам. Выражение адвокатом своего мнения по отдельным процессуальным вопросам не может рассматриваться как попытка воспрепятствовать адвокатской деятельности.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются.

В свою очередь, положения Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что:

– адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии (п. 1 ст. 4 Кодекса);

- при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению (п. 2 ст. 8 Кодекса);

- участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (п. 1 ст. 12 Кодекса);

- возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом (п. 2 ст. 12 Кодекса);

- адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения (пп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса);

- адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры (пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса).

Оценивая профессиональное поведение адвоката В. на предмет соблюдения вышеуказанных норм, Совет, отмечает, что ни одно из его анализируемых высказываний не содержит обценной, бранной или сниженной лексики, а потому не может расцениваться как не соответствующее стандартам делового общения. Данные высказывания не имеют выраженного пейоративного характера, не содержат характеристик личных и профессиональных качеств адвоката К., равно как и иных формулировок, свидетельствующих о проявлении адвокатом В. явного неуважения к указанному коллеге и намерении умалить его честь, достоинство и деловую репутацию.

Из выделенных в жалобе фрагментов высказываний адвоката В. следует, что их недопустимость заявитель усматривает в том, что адвокат В.:

- выразил мнение о том, что адвокат К. действует вопреки интересам подсудимого Е., «не слушает показания» и «не в полной мере понимает», зачем он явился в судебное заседание;

- обратился к суду с просьбами об отстранении адвоката К. от осуществления защиты подсудимого Е., а также об объявлении адвокату К. замечания.

Поскольку форма этих высказываний адвоката В. является допустимой, их оценка должна осуществляться в контексте сложившейся процессуальной ситуации, а именно – активного оппонирования адвоката К. действиям адвоката В. в ходе допроса свидетеля Ш.

Как указано выше, позиции подсудимых К. и Е. по делу расходились. Вину в совершении преступления признал именно подзащитный адвоката К. – Е. При этом отстаивание адвокатом В. позиции о невиновности его подзащитного – подсудимого К. не сопровождалось какими-либо утверждениями, ухудшающими положение Е. В частности, не могли повлечь ухудшения положения Е. ни задаваемые адвокатом В. свидетелю Ш. вопросы, ни ответы свидетеля на них. Иными словами, сложившаяся при

допросе свидетеля Ш. процессуальная ситуация не свидетельствовала о неустранимой коллизии между подсудимыми Е. и К., равно как и о противоположности их интересов. «Одним из оснований для принятия мнимой коллизии за реальную служит следующее: наличие противоположных утверждений подсудимых воспринимается как свидетельство противоположных интересов» (Абушахмин Б.Ф. *Коллизионная защита. Методическое пособие для адвокатов. Москва. 2019. С. 33*).

В то же время активное противодействие адвоката К. защитительной деятельности адвоката В., несомненно, рассматривалось последним как процессуальная активность коллеги, направленная против интересов его подзащитного – адвоката К. и создающая угрозу нарушения прав и интересов последнего. При этом в соответствии с п. 3 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат-защитник не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката, направленные против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя». В данном контексте высказывания адвоката В., обжалуемые адвокатом К., по существу являлись ответной реакцией на действия последнего: неоднократное заявление ходатайств о снятии поставленных адвокатом В. перед свидетелем Ш. вопросов. Эти действия адвоката К. не только затрудняли исполнение адвокатом В. профессиональных обязанностей перед доверителем, но и не были мотивированы доводами, указывающими на то, что поставленные адвокатом В. вопросы каким-либо образом нарушают или хотя бы затрагивают интересы подсудимого Е. Вследствие этого ходатайства адвоката К. о снятии вопросов рассматривались адвокатом В. как способ срыва его допроса. Несогласие адвоката В. с таким процессуальным поведением адвоката К., выраженное в форме ходатайств об отстранении последнего от осуществления защиты подсудимого Е. и об объявлении ему замечания, предполагало необходимость оценки действий адвоката К. со стороны председательствующего.

Такое профессиональное поведение адвоката В. в описанной ситуации ни по форме, ни по содержанию не может рассматриваться как умаление чести, достоинства и деловой репутации адвоката К. Его высказывания были обращены к суду, выражены в процессуальной форме, обоснованы необходимостью защиты прав и интересов обоих подсудимых. По оценке адвоката В., поставленные им вопросы являлись «необходимыми» для защиты К. и при этом не ухудшали положения Е. Совет не усматривает оснований ставить данную оценку под сомнение и одновременно отмечает, что адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и в этом качестве обладает правом на самостоятельную оценку по указанным вопросам. Более того, в одном из случаев суд, вопреки позиции адвоката К., вопрос к свидетелю не снял. Кроме того, адвокат В. был вправе реагировать на процессуальное поведение адвоката К. уже в силу того, что адвокат «обязан следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их

устранении» (п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката). В силу п. 2.7 Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества (применимого в соответствии с п. 2 ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката и опубликованного на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<https://fparf.ru/documents/international-acts/general-code-of-rules-for-lawyers-of-countries-of-the-european-community/?ysclid=16qdqarfjw946291160>>), «при условии строгого соблюдения правовых и этических норм, адвокат обязан всегда действовать в интересах своего клиента, которые для него выше своих собственных интересов или интересов его коллег».

Выражение адвокатом В. предположения о том, что адвокат К. действует против интересов своего подзащитного Е., также не может рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка, поскольку такая позиция сглаживала коллизию между подсудимыми. Суждение адвоката В. о такой направленности поведения адвоката К. предполагало, что подсудимый Е. может оговаривать себя, не будучи виновным в совершении преступления.

Таким образом, столкнувшись с необходимостью отстаивать свое право на постановку перед свидетелем Ш. вопросов, адвокат В. избрал такой способ действий, при котором, несмотря на вынужденную негативную характеристику конкретных действий адвоката К., создавались условия для устранения или смягчения коллизии между подсудимыми, и именно это являлось приоритетной задачей адвоката В. как защитника. Тем самым поведение адвоката В. было в полной мере этически оправданным.

Заявление в корректной форме процессуальных требований, направленных на защиту прав доверителя, не может рассматриваться как нарушение норм профессиональной этики и вмешательство в адвокатскую деятельность по смыслу положений п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Кроме того, в силу п. 2 ст. 18 названного Закона адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Довод заявителя о том, что своим поведением в судебном заседании адвокат В. стремился спровоцировать принятие подсудимым Е. решения об отказе от защитника – адвоката К., Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный. Как указано выше, критика действий адвоката К. явилась вынужденной ответной реакцией адвоката В. на его процессуальное поведение, создавшее противоречия между участниками судопроизводства со стороны защиты.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката В. непровергнутой, а дисциплинарное производство в отношении него – подлежащим прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе адвоката К. от 13 августа 2024 года (вх. №... от 16 августа 2024 года), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков